

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124>

Научная статья / Research article

Судьба харбинской репатриантки в зеркале антропологии: Людмила Абрамова (1914–2002)

Мария Кротова ^a , Дмитрий Петин ^b

^a Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

^b Омский государственный технический университет, Омск, Россия

 mary_krot@mail.ru

Аннотация: Через судьбу Людмилы Абрамовой, родившейся в Харбине, прожившей 40 лет в Китае и переехавшей в СССР в ходе массовой репатриации русского населения Маньчжурии в 1950-х гг., отражаются особенности жизни эмигрантов в Северной Маньчжурии в межвоенный период: вовлечение молодежи в различные, в том числе фашистские, организации, работа в органах Маньчжоу-Ди-Го, стратегии выживания, мотивы репатриации, адаптационные практики репатриантов, гендерные аспекты – такие, как роль жены политического деятеля, участие эмигранток в общественных организациях. Обращение к персонализированной истории связано с тем, что в исследованиях по русской эмиграции в Маньчжурии остается немало мифологем, искажающих представление о жизни и деятельности эмигрантов. Авторам пришлось столкнуться с проблемой реконструкции биографии «маленького» человека при отсутствии содержательных эго-документов (мемуаров, писем, дневников), поэтому исследовательской задачей стало использование антропологического подхода, микро- и макроанализа, историко-биографического и историко-сравнительного методов. Исследование основано на неопубликованных материалах Государственного архива Хабаровского края и Исторического архива Омской области с привлечением мемуаров и дневников бывших харбинцев, а также материалов устной истории.

Ключевые слова: гендерная история, русская эмиграция, репатриация, практическая генеалогия, КВЖД, советский театр

Для цитирования: Кротова М.В., Петин Д.И. Судьба харбинской репатриантки в зеркале антропологии: Людмила Абрамова (1914–2002) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 110–124. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124>

The Fate of Harbin Repatriate in the Mirror of Anthropology: Liudmila Abramova (1914–2002)

Mariia Krotova ^a , Dmitrii I. Petin ^b

^a St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

^b Omsk State Technical University, Omsk, Russia

 mary_krot@mail.ru

Abstract: The research is devoted to repatriate Lyudmila Maksimilianovna Abramova (1914–2002) who was born in Harbin, lived in China for 40 years and moved to the USSR during the mass repatriation of the Russian population of Manchuria in the 1950s. Through the fate of Liudmila Abramova

the authors attempt to reflect the peculiarities of the life of the emigrants in Northern Manchuria in the interwar period. They include the involvement of young people in fascist organizations, work in the Manchukuo authorities, survival strategies, repatriation motives, adaptation practices of repatriates, gender aspects – such as the role of a politician's wife, the participation of women in public organizations. The appeal to the personalized history is due to the fact that in the history of Russian emigration in Manchuria there are many mythologemes that distort the idea of the life and activities of emigrants. In addition, the authors had to face the problem of reconstructing the biography of a “little” person in the absence of ego documents (memoirs, letters, diaries); therefore, the research task was the use of the anthropological approach, micro- and macroanalysis, historical-biographical and historical-comparative methods. The article is based on unpublished archival documents involving memoirs and diaries of former Harbin residents and oral history materials.

Keywords: gender history, Russian emigration, repatriation, practical genealogy, Manzhou-go, China Eastern Railroad, Harbin, Soviet theater

For citation: Krotova, Mariia, and Petin, Dmitrii. “The Fate of Harbin Repatriate in the Mirror of Anthropology: Liudmila Abramova (1914–2002).” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 110–124 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124>

Введение

Беспрецедентные военно-политические процессы, имевшие место как в мире, так и в России, в течение XX в., стали причиной масштабных общественных трансформаций, кардинально изменивших судьбы миллионов наших соотечественников. Уникальным явлением времени стал очаг русской цивилизации в Северной Маньчжурии с центром в Харбине. Существовая более полувека, он сменил ряд статусов: от центра полосы отчуждения КВЖД на территории, арендованной у Китая, до части Китайской республики, Маньчжоу-Го и КНР. Представители русского населения в Маньчжурии также меняли свой статус: им довелось быть подданными Российской империи, эмигрантами, советскими гражданами или подданными Китая. Для диаспоры русских в Северном Китае, как и для российского государства, в целом, рубежным событием стали последствия Революции 1917 г. и Гражданской войны, вылившиеся в массовый исход. Несмотря на богатую традицию изучения этого вопроса как в России, так и за рубежом¹, многие аспекты, такие, как история русского фашизма в Маньчжурии, гендерные проблемы, особенности репатриации и реэмиграции, остаются все еще недостаточно осмысленными представителями исторической науки. Кроме того, существует немало политизированных мифологем, противоречивых концепций, затрудняющих восприятие исторических реалий русской Маньчжурии.

Изучение событий прошлого сквозь призму человеческой личности в академических исследованиях сегодня особенно актуально. Историки обратили внимание на жизнь человека во всех ее проявлениях, появился запрос на истории судеб простых людей, деталей и подробностей их жизни и стратегий поведения. Практика

---

¹ *Аблажей Н.Н.* С востока на восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007; *Аурилене Е.Е.* Русская эмиграция в Маньчжурии на рубеже 1920-х – 1930-х гг.: «Харбинский комитет помощи русским беженцам считает своим долгом...» // *ЭНОЖ История*. 2020. Т. 11. № 2 (88), <https://doi.org/10.18254/S207987840008739-1>; *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Китае: попытки и проблемы объединения в 1920–1940-е гг. // *ЭНОЖ История*. 2021. Т. 12. № 2 (100), <https://doi.org/10.18254/S207987840014182-9>; *Смирнов С.В.* Русские эмигранты в Маньчжурии и японский новый порядок: крушение надежд // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 2. С. 440–454, <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.680>; *Hohler S.* Fascism in Manchuria: the Soviet-China encounter in the 1930s. London, 2016; *Gamsa M.* Harbin: A Cross-Cultural Biography. Toronto, 2020; *Gruner F.* Russians in Manchuria: From Imperial to National Identity in Colonial and Semi-Colonial Space // *Crossing Boundaries: Ethnicity, Race and National Belonginess in a Transnational World*. Lanham, 2013. P. 183–205; *Manchester L.* Fusing Russian Nationalism with Soviet Patriotism: Changing Conceptions of Homeland and the Mass Repatriation of Manchurian Russians after Stalin's Death // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Summer 2019. Vol. 20. № 3. P. 529–558.

«индуктивного выхода» дает возможность широкой репрезентации и более взвешенной оценки событий, лишенных ангажированности и клишированных форм². Более глубокое изучение военно-политических и общественных процессов, явлений через обращение к персонифицированной истории становится возможным благодаря историко-биографическим (генеалогическим) исследованиям, представляющим человека на фоне эпохи и эпоху на примере его судьбы. Исследована судьба харбинской репатриантки Людмилы Максимилиановны Абрамовой, уроженки Харбина, прожившей 40 лет в Китае и переехавшей в СССР в ходе массовой репатриации русского населения Маньчжурии в 1950-х гг.

В 2012 г. сотрудники Исторического архива Омской области Ю.Н. Ефремова и Д.И. Петин подготовили короткометражный документально-публицистический фильм «Владимир Абрамов: путь белого офицера» о сложной и неоднозначной жизни супруга Л.М. Абрамовой³. Но биография Людмилы Максимилиановны, затронутая в киноленте лишь фрагментарно, оказалась не менее значима. Реконструкция непростой женской судьбы стала возможной благодаря обращению к комплексу источников, преимущественно из фондов Государственного архива Хабаровского края и Исторического архива Омской области. В его основе – анкеты, заполненные Абрамовой в период проживания в Северной Маньчжурии в 1930–1940-е гг. и в 1964 г., мемуары, интервью ее сына – советского и российского театрального артиста Игоря Владимировича Абрамова. Вспомогательную роль сыграли анкеты родителей, брата и мужа Людмилы Абрамовой.

Теоретическая основа исследования – антропологический подход, историко-биографический и проблемно-хронологический методы. Вместе с тем важен факт: Л.М. Абрамова была замужем за бывшим офицером Белой армии, служившим в антибольшевистских и японо-маньчжурских спецслужбах, а затем в милитаризированных политических организациях. Таким образом, женщина приняла для себя традиции военной культуры. Это позволяет использовать в методологическом плане военную антропологию.

При подготовке статьи встал вопрос о репрезентативности источников и их верификации, а именно можно ли при отсутствии содержательных эго-документов (мемуаров, дневников, автобиографии, корреспонденции) реконструировать биографию простого «маленького» человека. Поэтому помимо комплекса архивных материалов для воссоздания биографии были применены историко-типологический и историко-сравнительный методы, чтобы восполнить лакуны в харбинский период жизни Абрамовой с помощью мемуаров и дневников бывших жителей Маньчжурии. Мы обращаем внимание на то, что личность Абрамовой сформировалась в особой культуре «русской Маньчжурии» с ее бытовыми привычками, традициями, отношением к труду, которые отличались от советских реалий. Репатриация в СССР обнажила эти различия, что тоже анализируется в исследовании.

Счастливая дочь «кавежединца»

Как сообщает выпись из метрической книги Градо-Харбинского Свято-Николаевского собора, сделанная на основании актовой записи от 13/26 февраля 1914 г., Людмила Абрамова появилась на свет 7/20 февраля 1914 г. в православной семье. Родителями девочки были дворянин Киевской губернии Максимилиан Николаевич Терешкевич (17 июля 1870 г., Липовец, Киевская губерния – 1948 г., Хар-

² См.: Кром М.М. «Методы» и «подходы»: происхождение и эволюция ключевых понятий современного исторического дискурса // Новое прошлое = The New Past. 2021. № 4. С. 92–108.

³ Бородин Г.Ю., Петин Д.И. «Гражданская война: судьбы и лица»: первые результаты проекта // Отечественные архивы. 2013. № 1. С. 128–129.

бин) и его законная жена Анастасия Архиповна ([1893] г. Павлоградский уезд Екатеринославской губернии – Омск, 1979 г.)⁴. Впоследствии в анкетах и автобиографии Людмила Максимилиановна называла датой своего рождения 20 декабря 1913 г.⁵ Найти объяснения разночтению не представилось возможным. По свидетельству И.В. Абрамова, она всегда отмечала день рождения именно 20 декабря.

В анкете Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи (БРЭМ) Максимилиан Терешкевич сообщал, что в 1872 г. он с родителями переехал в Санкт-Петербург, где его отец служил приставом окружного суда. В 1889 г., окончив Гатчинский институт императора Николая I, юноша начал службу. Некоторое время жил в Минске, будучи чиновником в акцизном управлении. В 1903 г. М.Н. Терешкевич прибыл в Северную Маньчжурию, где служил на КВЖД до 1929 г. в должностях конторщика и счетовода на Западной и Восточной линиях дороги, станции Мяндухэ, в Харбине на главном топливном складе. Был уволен по сокращению штатов. Как служащий КВЖД, Максимилиан Николаевич получил в 1927 г. советский паспорт, но в 1934 г. вместе с женой и детьми перешел в «эмигрантское состояние»⁶. Уйдя с КВЖД, Максимилиан Терешкевич занимался домашним хозяйством⁷. Как свидетельствует И.В. Абрамов, будущая супруга Максимилиана Терешкевича – Анастасия Костина – была дочерью отставного подпрапорщика 1-го железнодорожного батальона Заамурской пограничной стражи, оставшегося крестьянствовать на станции Мяндухэ (проживал там до 1937 г.). В Харбине родители Л. Абрамовой встретились, к 1913 г. заключили брак⁸.

Спустя четыре года после появления на свет дочери, 28 марта 1918 г. у супругов Терешкевичей родился сын. Жизнь Людмилы и ее брата на рубеже 1920–1930-х гг. складывалась во многом традиционно для русской молодежи Харбина. О достойном статусе и определенном материальном благополучии семьи говорит то, что Людмила в 1921 г., 7 лет от роду, была определена в Харбинскую русскую частную гимназию Я.А. Дризуля. Как следует из выданного гимназией свидетельства от 20 августа 1931 г., 17-летняя Людмила Терешкевич достаточно успешно окончила полный курс наук. Девушка обладала широким кругозором, проявив также прилежание к учебе. Из 21 предмета 12 были аттестованы оценкой «отлично». Наилучшие знания выпускница показала по точным и естественным наукам, Закону Божьему и английскому языку⁹. Ее брат Евгений в 1926–1928 гг. учился в 4-й железнодорожной школе, занимался с репетиторами, экстерном сдал экзамены в той же гимназии¹⁰.

Заметим, члены семьи Терешкевичей не считались эмигрантами (поскольку не бежали и не выезжали из России), они относились к «коренному населению» Маньчжурии, которое отличалось прочным и устойчивым бытом, жили в «патриархальном царстве Хорватии, в уютных гнездах, свитых старожильским привольем»¹¹. Эмигранты-беженцы, прибывавшие в Харбин в начале 1920-х гг., поразились уровню жизни местного населения:

⁴ ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 2. Д. 2. Л. 1–2.

⁵ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 46876. Л. 6; ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

⁶ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 47009. Л. 1, 1об., 3об., 4–6.

⁷ Там же. Д. 47007. Л. 7.

⁸ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 6, 125, 234; ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 47007. Л. 4 об.

⁹ ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 2. Д. 4. Л. 4–5.

¹⁰ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 47007. Л. 1об., 4 об., 5 об., 7.

¹¹ Гинс Г.К. Харбин, эмиграция и культура // Заря. 1938. 10 июля. № 180. С. 2. – «Хорватией» называли полосу отчуждения КВЖД по имени первого Управляющего дорогой с 1903 по 1918 гг. генерала Д.Л. Хорвата (прим. М.К., Д.П.).

Все тут живут великолепно, сыто и, что называется, без хлопот и забот <...> Тут живут так, как будто ничего и не произошло¹².

Революция и Гражданская война их практически не коснулись, поэтому именно старожилы – «кавежедеки» или «кавежединцы»¹³ – с легкостью принимали (восстанавливали) советское гражданство, не считая это чем-то ненормальным и постыдным. Судя по мемуарам других детей старожил, детство их было вполне безмятежным и счастливым, протекавшим в уютной и радостной атмосфере, наполненной ритуалами и праздниками¹⁴. И.В. Абрамов утверждает, что по воспоминаниям старших,

до японской оккупации в Харбине хорошо жилось тем, кто работал на железной дороге: у них была высокая зарплата, а по достижении преклонного возраста им назначались пенсии, обеспечивавшие достойную жизнь, и давали выходное пособие, на которое можно было купить дом¹⁵.

Многие эмигранты в мемуарах вспоминали именно «благополучную», пусть не очень богатую, жизнь, даже и «при японцах», когда ситуация в Харбине и Маньчжурии изменилась с образованием Маньчжоу-Го.

В рядах радикальной партии

18-летняя Л. Терешкевич в 1932 г. вступила в ряды Всероссийской фашистской партии (ВФП) и в состав Национального объединения русской молодежи (НОРМ)¹⁶. По понятным причинам позднее, живя в СССР, она не упоминала о своем участии в этих организациях. О русском фашизме в Китае есть значительный пласт литературы с самыми противоречивыми оценками этого явления, но нельзя упускать из вида важное обстоятельство, а именно его оппозиционную логику. Фашистское движение в Северной Маньчжурии, как и в Италии и Германии, представляло собой одно из пореволюционных течений русской эмиграции. Оно возникло как антикоммунистическое, идеалом русских фашистов было государство, основанное на православной вере и социальной справедливости – «за спасение России, против атеизма и интернационализма на основе национализма». Русское фашистское общество было создано в Харбине еще в 1925 г. в студенческой среде, в противовес комсомольской организации. Оно провело ряд антикоммунистических акций, но к началу 1930-х гг. внутри общества произошел раскол. В 1931 г. была организована Российская фашистская партия (ее генеральный секретарь – К.В. Родзаевский – печально известная фигура русской эмиграции в Китае). В 1934 г. организацию переименовали во Всероссийскую фашистскую партию, внутри которой возникли женское, юношеское и детское движения. В числе причин участия женщин в праворадикальном движении выделяются антисоветские настроения, присущие значительной части эмигранток, которые

легко воспринимали идеи фашизма, поддерживаемые их отцами, мужьями и братьями. Им казалось, что эти идеи в состоянии остановить развитие мирового коммунистического движения¹⁷.

¹² Ильин И.С. Дневник. Запись от 10 февраля 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р–6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

¹³ Так в Северной Маньчжурии называли служащих КВЖД.

¹⁴ Горшенева В. Прошлое не отменяется! М., 2007. С. 9–11; Яроцкая Ю.А. Русская культура и русское искусство в воспоминаниях о детстве и юности в Харбине // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Харбин – Владивосток, 2019. С. 191–199.

¹⁵ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 4, 8.

¹⁶ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 46876. Л. 6.

¹⁷ Сергеев О.И., Лазарева С.И. Женщины-эмигрантки в пореволюционных общественно-политических движениях российской эмиграции в Китае в 1920–30 годы XX в. // Китай в Северо-Восточной Азии: история и современность. Владивосток, 1999. С. 168.

Создание ВФП совпало с захватом Маньчжурии Японией и возникновением в 1932 г. на оккупированной территории государства Маньчжоу-Го. Часть русских общественных организаций в Маньчжурии стали ориентироваться на японскую администрацию, подчеркивая свой милитаристский и антикоммунистический характер. Особая ставка делалась на русскую молодежь – наиболее активную категорию, подверженную в силу возраста идеологическому и политическому влиянию. Представители молодого поколения, в свою очередь, рассчитывали использовать членство в таких организациях, открывавшее возможности карьерных и жизненных перспектив. Чтобы понять мотивы прихода Л. Терешкевич в праворадикальное движение, обратимся к мемуарам А.С. Ивельского, вступившего в ВФП в 1934 г. в Харбине по рекомендации В.С. Абрамова, будущего мужа Люмилы. Он объяснял, что вступил в партию, «увидев активность фашистской организации», «самой большой <...> в Харбине. Живые идеи этой организации привлекали людей»¹⁸. В личном деле Ивельского в БРЭМ содержится типовое прошение:

Разделяя вполне идеологию и тактику Русской Фашистской партии, настоящим ходатайствую о включении меня в число ее членов. По вступлению в партию обязуюсь выполнять все распоряжения подлежащих высших органов ее и соблюдать необходимую конспирацию¹⁹.

Л. Терешкевич стала дополнительно изучать японский язык. Об активной деятельности девушки свидетельствует следующий факт: с марта 1932 г. по июль 1934 г. она была секретарем НОРМ²⁰, оставив эту должность, по всей видимости, по личным мотивам (об этом далее). При регистрации в БРЭМ 12 февраля 1935 г. Людмила Максимилиановна указала свою профессию «конторщица, кассирша»; политические убеждения – «монархистка». Брат Людмилы Евгений Терешкевич, также зарегистрированный в БРЭМ, в 1934–1936 гг. состоял в Национальной организации русских разведчиков и ВФП²¹. Причиной недолгого членства молодого человека в названных структурах послужило начало трудовой деятельности электромонтером и самостоятельной семейной жизни²².

К 1934 г. число членов ВФП в Харбине достигло 2 тыс. чел., по Маньчжурии – 6 тыс. чел.²³. Но в переписке эмигранты приводят иные цифры. Так, генерал Г.А. Вержбицкий в письме А.П. Воробчуку от 4 сентября 1934 г. сообщал:

Русский фашизм – нездоровое явление русского зарубежья, вернее, Дальнего Востока. <...> Здесь (в Харбине. – М.К., Д.П.) их около 500. Не нужно закрывать глаза и на то, что значительная часть молодежи, разочарованная пассивностью русской общественности, пошла за кричащими лозунгами... фашизма. <...> «Деятельность» – доносы на все русское и разложение²⁴.

И если молодежь воспринимала фашистскую организацию как возможность реализации и социализации (кружки, занятия спортом, военная подготовка, возможность трудоустройства, организация праздников), то старшее поколение весьма скептически смотрело на «забавы» фашистов, считая их чем-то несерьезным и вред-

¹⁸ Архив ДРЗ им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Всероссийская мемуарная библиотека. Оп. 1. Д. М–198. Л. 18.

¹⁹ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17887. Л. 6.

²⁰ Там же. Д. 46876. Л. 6.

²¹ Там же. Д. 47007. Л. 5 об.

²² Там же. Д. 46876. Л. 9.

²³ *Родзаевский К.В.* Отчет о моей 20-летней антисоветской деятельности // Кентавр. 1993. № 3. С. 109.

²⁴ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (BAR). Vorobchuk collection. Box #1.

ным. Эмигрант В.А. Морозов в воспоминаниях называл фашистскую организацию в Маньчжурии «противной русскому духу» и «русским национальным интересам», полностью зависимой от японцев. О руководстве фашистов Морозов писал: «Одна молодежь, ни одного солидного, серьезного человека», методы фашистов беспринципны – «шантаж, выколачивание денег из зажиточных эмигрантов», а ее «полупреступная деятельность» отталкивала от себя «серьезных людей из эмиграции». Отношение эмиграции к ВФП, по мнению Морозова, было настороженное из-за неясности того, какой фашисты видят будущую Россию:

Если без царя, то тогда это напоминало большевиков. Поэтому фашисты скоро сделали вид, что они монархисты, повесили у себя портреты императорской семьи и Николая II. Но эти маневры не сумели завоевать симпатий эмиграции. Их терпели, но «своими» не считали²⁵.

Австралийский ученый Томас Пул, анализируя причины популярности русских фашистов в Маньчжурии, считает, что они «эксплуатировали чувства отчаяния, унижения, беспомощности и тоски по родине русских эмигрантов», и ключевыми понятиями фашистов были «авторитарное государство, харизматичный лидер и национальный дух»²⁶. Девизом ВФП был «Бог, нация, труд», значком – сочетание свастики и двуглавого орла, приветствием – поднятие вверх правой руки и возглас «Слава России», партийным гимном – стихотворение «Подымайтесь, братья, с нами!» на мотив «Преображенского марша»²⁷. Не случайно многие фашисты во второй половине 1930-х гг. стали симпатизировать политике И.В. Сталина по «восстановлению великодержавности», а во время Второй мировой войны перешли на просоветские позиции, в том числе – муж героини статьи В.С. Абрамов.

Жена и мать

Участие Л. Терешкевич в общественно-политических организациях Харбина стало судьбоносным. В те же годы на службе в ВФП находился белоэмигрант В.С. Абрамов, также изучавший на курсах язык Страны восходящего солнца. В его жизни отразились коллизии эпохи. Представитель обеспеченной семьи личного почетного гражданина Москвы, будучи студентом Томского технологического института, он летом 1918 г. добровольно вступил в Сибирскую армию, в качестве юнкера-артиллериста участвовал в боях под Пермью. Впоследствии получив чин офицера, в Омске являлся сотрудником осведомительного аппарата белых спецслужб. Оказавшись в плену при отступлении антибольшевистских сил, бывший прапорщик Абрамов попал на службу в РККА. За участие в карательной операции Белой армии состоял в 1920–1921 гг. под арестом и следствием по линии Томской губЧК. Выйдя на свободу по амнистии, В.С. Абрамов безуспешно пытался заниматься в Томске коммерческой деятельностью. Нелегально перейдя границу в 1924 г., он обосновался в Харбине.

Важная деталь: знакомство Людмилы Терешкевич с В.С. Абрамовым произошло на фоне переживания им крупных неурядиц личной жизни: потеря работы, разрыв с первой женой и детьми, уехавшими в 1933 г. в СССР. В среде членов ВФП и БРЭМ будущий муж Людмилы, как видно, обрел поддержку в лице ряда антисоветски настроенных эмигрантов (И.А. Михайлова, К.В. Родзаевского и др.). С 1935 г. в течение десяти лет В.С. Абрамов прослужил в Особом отделе «Киовакай» – про-

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 12. Л. 62, 73.

²⁶ Пул Т. Русские фашисты в Квисленде (1935–1945) // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. СПб, 2011. С.156–178.

²⁷ Стефан Д. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992. С. 97.

японской националистической организации²⁸. Его деятельность на этом поприще была отмечена маньчжурскими наградами²⁹.

Мать Людмила Максимилиановны категорично не приветствовала выбор своей дочери, не желая отпускать ее из родительского дома. У В. Абрамова была далеко не безупречная репутация: некоторое время он являлся комиссионером и за вознаграждение занимался «устройством дел». По обвинению в мошенничестве он арестовывался полицией Харбина³⁰.

Нелестно об избраннике молодой девушки отзывался эмигрант Н.А. Мартынов:

Владимир Абрамов был до Киовака в фашистской партии, потом оттуда вышел, а некоторые говорили, что его исключили – малоразвитый человек с нетвердыми моральными принципами и устоями, легкомысленный, честолюбивый человек, любящий деньги³¹.

Невзирая на такие факты и протест матери, Л. Терешкевич проявила твердость характера и в 1934 г. вышла замуж за Абрамова. 18 июня 1935 г. у них родился сын Игорь³².

Трехкомнатная квартира Абрамовых в одноэтажном кирпичном доме была съемным жильем. Игорь Абрамов вспоминал:

Мой отец <...> был достаточно высокопоставленным служащим, благодаря чему мы ни в чем не нуждались, но, тем не менее, он не мог себе позволить жить где-нибудь в центре города, в большом каменном доме, в хорошей квартире со всеми удобствами. Мы жили в непрестижном районе, в Сунгарийском городке, в просторечье именуемом Нахаловкой³³.

Бывшая харбинка Наталья Лалетина, которая часто бывала в 1930-х гг. в Нахаловке в гостях у своего крестного, оставила воспоминания об этом районе Харбина:

Болотная улица вполне оправдывала свое название: она была настолько грязной и болотной, что идти по дощатым шатким тротуарам было небезопасно³⁴.

С хозяином дома, китайцем, у Абрамовых сложились хорошие отношения, Людмила Максимилиановна учила его сына, за это семья не платила за съём жилья. И. Абрамов также отмечал:

Факт японской оккупации внешне никак не проявлялся <...> на бытовом уровне никакого антагонизма не наблюдалось, скорей напротив: мы мирно общались с японцами и даже дружили. Хотя, получается, в одном дворе с нами жили две семьи оккупантов³⁵.

Мемуары эмигрантов Маньчжурии сходятся в том, что и при японцах жизнь «шла своим чередом, как будто все оставалось более или менее по-старому», и только во время войны эмигранты почувствовали «тяжелую руку японских завоевателей»³⁶.

²⁸ Киовакай (японский вариант – Сехэхой) – «Общество согласия и мирного сотрудничества народов Маньчжурской империи» создано в 1932 г. в Маньчжоу-Го как государственная общественная организация для объединения многонационального населения страны в «гармоничный целостный организм». В Киовакай должны были вступить все граждане страны, достигшие 20 лет. Общество имело в своей структуре русский сектор.

²⁹ Петин Д.И., Ефремова Ю.Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 221–227.

³⁰ Харбинское обозрение. 1932. 15 апреля. № 90. С. 3.

³¹ Мартынов Н.А. О жизни и политических событиях в Харбине, в Маньчжурии и на Дальнем Востоке за период 1923–1948 гг. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (BAR). N.A. Martynov collection. Box #1.

³² ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³³ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 7.

³⁴ Николаева Н. Японцы. Рига, 2019. С. 110.

³⁵ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 7.

³⁶ Рачинская Е. Перелетные птицы. San Francisco, 1992. С. 42.

Профессиональный статус и общественное положение супруга были достаточно высокими, и молодая женщина была вовлечена в светский круг общения, который можно назвать элитарным по отношению к основной массе русской эмиграции. Подруг в дом Л.М. Абрамова не приглашала. Зато в доме Абрамовых тогда по праздникам бывали известные белоэмигранты: генералы А.П. Бакшеев, В.А. Кислицын и др., а также высокопоставленный сотрудник японских спецслужб Р. Като – начальник Особого отдела Бинцзянского штаба Киовакай и советник БРЭМ. Но, по словам И.В. Абрамова, эти встречи носили характер официозного «церемониального» общения. При этом Людмила Максимилиановна позднее утверждала, что ничего конкретного о службе Владимира Семеновича (даже чина в белой армии) не знала. Вряд ли это так. В.С. Абрамов был слишком заметной фигурой в Харбине 1930-х гг., непременно участником собраний, банкетов и съездов, организатором крупных мероприятий. В 1939 г. он был назначен представителем Киовакай в БРЭМ. В этом качестве он стал одним из организаторов проведения Дня Анτικοминтерна в Харбине.

Спустя некоторое время после рождения ребенка в 1935 г. молодая женщина вернулась к общественной деятельности, каковая теперь соответствовала служебному положению ее супруга. По традиции жены всех высших чинов прояпонских организаций должны были исполнять определенные общественные обязанности. В октябре 1939 г. был организован Русский сектор харбинского штаба женской организации содействия государственной обороне Маньчжоу-Ди-Го (Кокубоо-Фудзинкай). Председательницей этой организации стала супруга начальника БРЭМ О.В. Кислицына. Харбин был разбит на 4 района: Пристанский, Новгородный, Модягоу и Сунгарийский городок. Л. Абрамова была назначена начальницей Сунгарийского городка³⁷, входила в правление этой организации, была знаменосцем Русского сектора. По долгу общественной работы она принимала участие во всех антикоммунистических митингах, демонстрациях, иных протокольных мероприятиях. О характере ее общественной деятельности свидетельствуют приглашения на собрания и торжества, а также письма, адресованные ей, сохранившиеся в архиве БРЭМ. Как начальница района Л.М. Абрамова должна была с началом «Великой восточноазиатской войны» в 1941 г. организовывать помощь воинам и их семьям: собирать средства, заботиться о раненых, устраивать концерты для солдат, готовить им угощение, посылать подарки, починять белье, чтить память погибших героев и пр.³⁸

Перемена участи

«11 счастливых лет» – так называла Людмила Максимилиановна годы жизни со своим супругом. Август 1945 г. стал переломным для жизни русской диаспоры Северного Китая, особенно это касалось тех, кто имел связи с оккупационными властями. И.В. Абрамов подчеркивает:

Мы все стали гражданами СССР. Хорошо помню, как из Харбина тихо исчезли японцы, тихо-тихо, их в одну ночь словно сдуло: вчера были, а сегодня мы проснулись – их уже нет. <...> Моего отца сразу же арестовали. Он ушел из дома и не вернулся, и в течение девяти лет мы о нем ничего не знали³⁹.

В тот же день Игорь Абрамов выбросил по указанию матери в выгребную яму служебные документы, награды и пистолет отца. В СССР отец мемуариста был приговорен к 10 годам лишения свободы, отбывал наказание в Красноярском крае⁴⁰.

³⁷ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 46876. Л. 8.

³⁸ Великая Маньчжурская империя. Харбин, 1942. С. 220.

³⁹ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 21, 22.

⁴⁰ Петин Д.И., Ефремова Ю.Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 228.

По свидетельству Н.А. Мартынова, он предлагал В.С. Абрамову как старшему сотруднику Особого отдела Кюовакай уехать на юг с японцами и тем самым избежать ареста. Но тот, как и многие другие высшие чины БРЭМ, поддался обаянию советской пропаганды о стирании различий между эмиграцией и СССР и поверил лозунгу тех лет «Советское правительство все прощает и все забывает». Мартынову он возразил:

Всегда Вы так, Н.А., говорите несурзости. Я вот только что говорил с некоторыми совработниками, которые настроены антибольшевистски, и вот они-то и говорят об изменении отношения совруководства и здесь, и там, в СССР к эмигрантам⁴¹.

По словам Мартынова, Абрамов остался в Харбине. По прибытии РККА он «явился к ним с приветствием» и в числе многих других был арестован⁴². Можно представить себе чувства оставшейся «соломенной вдовой» Л. Абрамовой. Но ее подписи нет под коллективным письмом на имя И.В. Сталина от 18 июня 1946 г. от родственников лиц, арестованных и вывезенных в СССР (всего подписалось 769 чел.)⁴³.

О судьбе оставшихся эмигрантов можно судить по различным источникам. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. эмигранты в Маньчжурии смогли обрести подданство СССР. К концу 1946 г. там насчитывалось 60 514 чел. советских граждан⁴⁴. Л. Абрамова также получила («восстановила») советское гражданство, адаптируясь к изменившейся внутривосточной ситуации. «Новосоветских» граждан объединили в Общества граждан СССР (ОГС), заменившие эмигрантские организации. Но, по мнению советских консулов, такие эмигранты не считались «своими», не сумели «усвоить» новой идеологии и представляли собой «сырой материал», требующий большой «культурно-просветительной работы» для превращения их в «сознательных граждан СССР»⁴⁵. Для этого при ОГС в Харбине создавали клубы с библиотеками и кружками самодеятельности, где читались лекции и доклады на политические темы, но «вытравить» бытовые привычки, представления о старой морали, религиозность так и не удалось.

С уходом советских войск из Маньчжурии в апреле 1946 г. в Китае разгорелась гражданская война, фактически разделив Маньчжурию на две зоны. Северная и северо-восточная часть оказалась в руках Народно-демократической армии Китая, южная – под контролем Гоминьдана. Социально-экономическое положение русского населения стало крайне тяжелым. Власти Китая не могли стабилизировать ситуацию. Юани, сменившие маньчжурские гоби, стремительно обесценивались: в 1946–1947 гг. 1 рубль равнялся 200 юаням; в конце 1948 г. – 4 166 юаням⁴⁶, причем зарплаты рассчитывали по прежнему курсу. Из-за скачков цен на местном рынке возник дефицит продовольствия. Начался голод. Е. Рачинская описывала ситуацию так:

То исчезал сахар, то не было жиров; то вводилась казенная выпечка хлеба и он превращался во что-то совершенно несъедобное. Были «холодные» зимы – когда трудно было с углем и дровами. Была зима без света: мы сидели с какими-то коптилками, а электричество было дано нам в виде особой милости только на три дня нового года. Во многих домах перестал работать водопровод, полопалась канализация, остановилось центральное отопление... Жизнь становилась все тяжелее и тяжелее, и морально, и физически⁴⁷.

⁴¹ Мартынов Н.А. О жизни и политических событиях...

⁴² Там же.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 62–68.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 58–59.

⁴⁵ Там же. Л. 60.

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 24. Д. 6640. Л. 1.

⁴⁷ Рачинская Е. Перелетные птицы. Воспоминания. Посвящается Харбину и харбинцам. San Francisco, 1982. С. 90–91.

Людмила и Игорь Абрамовы вынуждены были переехать из Харбина в русскую деревню Покровка, где в то время жил Е. Терешкевич, который помог сестре и племяннику в обустройстве и выживании⁴⁸. Некоторый период средством заработка на жизнь семьи было изготовление выпечки, которую сдавали в торговый дом Чурина.

Вспоминая о детстве и юности, И.В. Абрамов говорит, что мать его всегда старалась выглядеть опрятной, хорошо одетой, к сыну не была строга, не наказывала сурово за проступки. Она отличалась большой заботой и стремлением дать ребенку необходимое и лучшее, даже в самое тяжелое время. Видя стремление мальчика к театру, она водила его на все детские постановки, они были записаны в две библиотеки, где Игорь перечитал все книги и журналы. Как отметил Игорь Владимирович, в их семье до прихода в 1945 г. советских войск поддерживались христианские традиции, каковые впоследствии пришлось нивелировать. Свою мать на рубеже 1940–1950-х гг. он характеризует как уравновешенную, замкнутую, далекую от политики женщину, которая из-за опасений ничего не вспоминала вслух о муже, хотя сильно тосковала по нему.

В анкете 1964 г. Людмила Максимилиановна лаконично напишет об этом периоде:

С 1946 по 1948 гг. имела случайную работу. В 1948 г. уехала в Тооген⁴⁹, где работала в школе преподавателем. В 1949 г. вернулась в Харбин и поступила на КЧЖД в депо, а в октябре 1950 г. перешла работать в 1-ю Советскую среднюю школу (где учился ее сын. – *М.В., Д.П.*). В 1954 г. поступила преподавательницей в китайский институт, оттуда ушла из-за отъезда на Родину⁵⁰.

В эти годы Л. Абрамова повысила свой образовательный уровень: в сентябре 1952 г. окончила полный курс технического черчения при районном Сунгарийском клубе Общества граждан СССР, а через год – курсы по подготовке преподавания русского языка Учебно-технического совета при Комитете Союза советской молодежи северо-востока КНР⁵¹. Преподавательскую работу Л. Абрамова успешно совмещала с активной общественной и культурно-просветительской деятельностью (в чем-то схожей с тем, чем она занималась за 10 лет до этого). Она являлась секретарем ревизионной комиссии 5-го Сунгарийского местного отделения, состояла в кружке художественной самодеятельности клуба Сунгарийского района. Поощрялась грамотами, в том числе по линии Центрального правления ОГС⁵². Ее сын Игорь тогда решил стать артистом театра. Людмила Максимилиановна одобрила это начинание, хотя считала такой профессиональный выбор лишь временным увлечением.

В апреле 1954 г. русское население Маньчжурии узнало о постановлении Совета министров СССР № 751-329с от 18 апреля 1954 г., которое разрешало въезд на территорию СССР на постоянное жительство 6 тыс. семей советских граждан, изъявивших желание покинуть КНР и планировавших работать на целине в районах Центральной и Южной Сибири, Южного Урала и в северо-западных областях Казахстана. Затраты на перевоз переселенцев брало на себя государство. Начался массовый отъезд русских из Китая в СССР поездами на целину. За 1954–1961 гг. из харбинского консульского округа выехало в СССР 19 068 чел.⁵³

⁴⁸ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 23.

⁴⁹ Тооген – район в Северной Маньчжурии близ границы с СССР, куда во время Второй мировой войны японцы организованно переселяли русских эмигрантов.

⁵⁰ ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

⁵¹ Там же. Д. 4. Л. 1–3.

⁵² Там же. Д. 8. Л. 1–2.

⁵³ Аблажей Н.Н. С востока на восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 198, 213.

И.В. Абрамов вспоминает:

Должен подчеркнуть: это была не депортация – все происходило на основе свободного волеизъявления. У каждого из нас был выбор: можно было уехать и не в СССР, а куда-нибудь в Австралию или Бразилию...⁵⁴

У многих харбинцев были сомнения в правильности выбора, но вескими мотивами в принятии решения о возвращении в СССР, кроме напряженной внутриполитической обстановки в Китае, были воссоединение с семьей, сохранение русской культуры и языка, будущее детей, получение ими образования. Эпизод, объясняющий географическое направление отъезда, сын нашей героини описал так:

Как-то раз во дворе нашего дома появился человек, по виду железнодорожник. Так оно и оказалось, это был работник поезда, ходившего из СССР в Китай и обратно. Он спросил, не здесь ли живут Абрамовы. Я ответил:

– Да, здесь.

– Мать замуж не вышла?

– Нет, не вышла. А что вы хотели?

Оказалось, железнодорожник привез записку от отца, из лагеря <...> Отец каким-то образом сумел договориться с этим человеком, чтобы он, когда придет в Харбин, узнал, живем ли мы еще здесь. В записке он писал только, что жив-здоров, и через год должен быть освобожден. Это для нас все и решило. <...> 3 июня 1955 г. я навсегда покинул Харбин⁵⁵.

Наша героиня получила направление в один из «районов освоения целинных и залежных земель». Министерством совхозов СССР была распределена с семьей в составе трех человек в распоряжение Бейского овцеводческого совхоза Бейского района Красноярского края⁵⁶.

44 года на театральной ниве

Поезд с репатриантами прибыл сначала в Красноярск, где благодаря усилиям театрального деятеля Ю.Л. Хороша Людмилу и ее сына в числе группы артистов-репатриантов документально переоформили из ведения Министерства сельского хозяйства СССР в ведение Министерства культуры СССР. Л. Абрамова с сыном 17 июня 1955 г. прибыли в Минусинск, где Игорь Владимирович поступил в труппу Минусинского драматического театра, а Людмила Максимилиановна получила должность администратора данного театра, проработав здесь до 1964 г.⁵⁷

В мемуарах И.В. Абрамов практически не пишет о трудностях перемены участи, возможно потому, что он был молод и полон планов на будущее. А ведь большинство репатриантов никогда не были в России, и уж тем более плохо представляли себе, как устроена жизнь в СССР. Как заметила поэтесса-репатриантка Л.Ю. Хаиндрова,

мы вернулись «домой», где никогда не жили, из дома, где родились, но никогда не считали своим домом⁵⁸.

Практически все мемуаристы соглашались с тем, что одним из самых тяжелых испытаний на вновь обретенной родине было столкновение с советским бытом, вернее, с его отсутствием, а также отношение окружающих к репатриантам как к чужакам, низкая культура, грубость и хамство, особенно при столкновении с со-

⁵⁴ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 36.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.

⁵⁷ Там же. Д. 1. Л. 1; Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 46–48.

⁵⁸ Дземешкевич Л.К. Харбинские были. Омск, 1999. С. 168.

ветской бюрократией⁵⁹. У каждого из репатриантов были свои уроки выживания и свой опыт адаптации к новым условиям. Историк Лори Манчестер считает, что именно в СССР проявилась особая «харбинская» идентичность⁶⁰.

Начало жизни в СССР для Людмилы и Игоря Абрамовых было ознаменовано важным событием – воссоединением с главой семьи, вернувшимся из мест заключения. И.В. Абрамов об этом пишет:

У отца на руках была справка о том, что он освобожден за отсутствием состава преступления. Зачем и кому все это было нужно? Позади остался такой пласт жизни! Мне было десять лет, когда его забрали, а теперь, когда встретились, уже двадцать. Он говорил, что заключение ни коим образом не повлияет на мою судьбу <...> Главное – он вернулся. Это было для нас огромное счастье⁶¹.

Тяжелые условия лагерного быта серьезно подорвали здоровье В.С. Абрамова, вскоре он получил инвалидность 2-й группы⁶². До 1964 г. Л. Абрамова жила вместе с мужем, но вынуждена была впоследствии направить его в дом престарелых в Минусинске, переехав в Омск, чтобы помогать сыну в воспитании детей. Овдовев в 1968 г., Людмила Максимилиановна до конца дней хранила у себя небольшой архив, оставшийся от покойного супруга.

Как указывает И.В. Абрамов, жившие в Англии родственники (тетя Людмилы) присылали им журналы мод, которые затем можно было негласно перепродать в ателье, выручив за номер до 100 руб.

В Омском ТЮЗе Людмила Максимилиановна проработала с 1964 по 1999 гг. завхозом, позднее – сторожем пожарной охраны. 10 декабря 1996 г. ей было присвоено звание «Ветеран труда»⁶³. К созданию в 1989 г. Омской областной общественной организации «Омские харбинцы» Людмила Максимилиановна отнеслась равнодушно. Последние десять лет жизни в силу сложных личных отношений она мало общалась с сыном. Л.М. Абрамова ушла из жизни 31 декабря 2002 г. и была похоронена на Западном кладбище г. Омска.

Выводы

Изучив жизненный путь Л.М. Абрамовой, отметим, что особенности ее гендерной социальной и семейной роли обусловило полученное консервативное воспитание, определявшее нахождение на втором плане – в тени успешного мужа и знаменитого сына. Приоритетами для Л.М. Абрамовой были сохранение традиций и, как и для большинства женщин, семья, ставшая сосредоточием жизни. Надо заметить, что семья и в эмиграции, и в советской жизни стала спасением, стержнем в эпоху утраты ориентиров и традиционных ценностей. Несомненно, Людмила Максимилиановна была хорошей женой и матерью, обеспечив супругу возможность успешного карьерного роста, а своему единственному ребенку – шанс на достойное жизненное и профессиональное развитие. Превратности политики, потеря опоры не сломили ее, наоборот, заставили проявить такие качества, как способность к выживанию вопреки внешним обстоятельствам. Героине приходилось начинать жизнь заново в другой стране

⁵⁹ Ефанова В.К. Домой с черного хода. М., 1999. С. 209–242; Кротова М.В. «Встреча с родной» в мемуарах реэмигрантов из Китая // Мемуары в культуре русского зарубежья: сб. ст. М., 2010. С. 227–239; Николаева Н. Японцы. Рига, 2019. С. 269–291; Смирнов С.В. «Русская Атлантида»: воспоминания русских репатриантов из Китая и проблема конструирования диаспорической идентичности // Новое литературное обозрение. 2014. № 3. С. 478–486.

⁶⁰ Manchester L. Repatriation to a Totalitarian Homeland: The Ambiguous Alterity of Russian Repatriates from China to the USSR // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2007. № 16 (3). P. 353–386.

⁶¹ Абрамов И. Стезя. Омск, 2012. С. 52–53.

⁶² ГИАОО. Ф. Р–3693. Оп. 2. Д. 10. Л. 1.

⁶³ Там же. Д. 4. Л. 1–2.

и при иных обстоятельствах, в условиях послевоенного Китая и репатриации, но ее адаптацию к условиям жизни в СССР можно назвать успешной.

В жизнеописании Людмилы Абрамовой, как и в судьбах других людей, отразились сложная и противоречивая эпоха, важные вопросы, связанные с понятиями идентичности, родины и жертвенности, личного выбора. На примере ее биографии можно проследить, как политика вмешивается в жизнь «маленького» человека и как он противостоит давлению внешних факторов. В этом смысле жизнь Л.М. Абрамовой можно назвать и типичной, и уникальной, позволяющей выявить особенности индивидуальной стратегии и тактики.

Рассмотренный нами пример показывает, насколько важны микроанализ и биография, а также гендерные аспекты для изучения новейшей истории, когда частная судьба приобретает значение при условии сочетания разных подходов к исследованию.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.12.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.01.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 22.01.2022

References

- Ablazhey, N.N. *S vostoka na vostok. Rossiiskaia emigratsiia v Kitae* [From east to east. Russian emigration to China]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Abramov, I. *Stezia* [Path]. Omsk: Iuton Publ., 2012 (in Russian).
- Aurilene, Elena. “Russian Emigration in Manchuria at the Turn of 1920s – 1930s: ‘The Harbin Russian Refugee Assistance Committee Considers It Its Duty...’.” *Istoriya* 10, no. 2 (2020): <https://doi.org/10.18254/S207987840008739-1> (in Russian).
- Borodina, G.Yu., and Petin, D.I. “‘Grazhdanskaia voina: sud’by i litsa’: pervye rezul’taty proekta [‘Civil War: destinies and faces’: the first results of the project].” *Otechestvennye arkhivy*, no. 1 (2013): 128–129 (in Russian).
- Dzemeshevich, L.K. *Kharbinskie byli* [Harbin Stories]. Omsk: OmGPU Publ., 1999 (in Russian).
- Gamsa, M. *Harbin: A Cross-Cultural Biography*. Toronto: University of Toronto, 2020.
- Gorshenina, V.Z. *Proshloe ne otmienaietsa* [The past is not canceled]. Moscow: Top Union Publ., 2007 (in Russian).
- Gruner, F. “Russians in Manchuria: From Imperial to National Identity in Colonial and Semi-Colonial Space.” In Behnken, Brian D., and Wendt, Simon, eds. *Crossing Boundaries: Ethnicity, Race and National Belongingness in a Transnational World*, 183–205. Lanham: Lexington Books, 2013.
- Hohler, S. *Fascism in Manchuria: The Soviet-China Encounter in the 1930s*. London: I.B. Taurus & Co Ltd., 2016.
- Krom, M.M. “‘Metody’ i ‘podkhody’: proiskhozhdenie i evolutsiia kluchevykh poniatii sovremennogo istoricheskogo diskursa [‘Methods’ and ‘approaches’: the origin and evolution of key concepts of modern historical discourse].” *Novoe proshloe – The New Past*, no. 4 (2021): 92–108 (in Russian).
- Krotova, M.V. “‘Vstrecha s rodinoi’ v memuarakh reemigrantov iz Kitaia [‘Meeting with the Motherland’ in the memoirs of emigrants from China].” In *Memuary v kul’ture russkogo zarubezh’ia*. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2010: 227–239 (in Russian).
- Manchester, L. “Fusing Russian Nationalism with Soviet Patriotism: Changing Conceptions of Homeland and the Mass Repatriation of Manchurian Russians after Stalin’s Death.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 20, no. 3 (Summer 2019): 529–558.
- Manchester, L. Repatriation to a Totalitarian Homeland: The Ambiguous Alterity of Russian Repatriates from China to the USSR.” *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, no. 16 (2007): 353–386.
- Nazemtseva, Elena. “Russian Emigration in China: Attempts and Problems of Unification in the 1920–1940s.” *Istoriya* 12, no. 2 (2021): <https://doi.org/10.18254/S207987840014182-9> (in Russian).
- Nikolaeva, N. *Iapontsy* [Japanese]. Riga: [N.s.], 2019 (in Russian).
- Petin, D.I., and Yefremova, Yu.N. “The source potential of family archives for reconstruction of biography and genealogy of the civil war participant. On an example of Abramov’s family archive.” *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*, no. 1 (2013): 221–227 (in Russian).
- Pul, T. “Russkie fashisty v Kvislende (1935–1945) [Russian Fascists in Kvisland (1935–1945)].” *Russkaia emigratsiia i fashizm: Stat’i i vospominaniia*. St. Petersburg: SPbGASU Publ., 2011: 156–178 (in Russian).

- Rachinskaya, Ye. *Pereletnye ptitsy. Vospominaniia. Posviashchaetsia Kharbinu i kharbintsam* [Migratory birds. Memories. Dedicated to Harbin and Harbin residents]. San Francisco: Globus Publishers Publ., 1982 (in Russian).
- Repina, L.P. “Ot ‘istorii odnoi zhizni’ k ‘personal'noy istorii’ [From the ‘story of one life’ to the ‘personal story’].” In *Istoriia cherez lichnost': istoricheskaia biografiia segodnia*, 55–74. Moscow: Krug Publ., 2005 (in Russian).
- Rodzayevskiy, K.V. “Otchet o moei 20-letnei antisovetskoj deyatelnosti [Report on my 20-year anti-Soviet activity].” *Kentavr*, no. 3 (1993): 95–114 (in Russian).
- Sergeyev, O.I., and Lazareva, S.I. “Zhenshchiny-emigrantki v porevoliutsionnykh obshchestvenno-politicheskikh dvizheniyakh rossiiskoi emigratsii v Kitae v 1920–30 gody XX v [Emigrant women in the post-revolutionary socio-political movements of Russian emigration in China in the 1920–30 years of the twentieth century].” In *Kitai v Severo-Vostochnoi Azii: istoriia i sovremennost'*. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 1999: 163–170 (in Russian).
- Smirnov, S.V. “‘Russkaya Atlantida’: vospominaniya russkikh repatriantov iz Kitaya i problema konstruirovaniya diasporicheskoy identichnosti [‘Russian Atlantis’: Memoirs of Russian Repatriates from China and the Problem of Constructing a Diasporic Identity].” *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (2014): 478–486 (in Russian).
- Smirnov, S.V. “Russian Emigrants in Manchuria and the Japanese New Order: The Collapse of Hopes.” *Quaestio Rossica* 10, no. 2 (2022): 440–454, <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.680> (in Russian).
- Stefan, D. *Russkie fashisty. Tragediia i fars v emigratsii. 1925–1945* [Russian fascists. Tragedy and farce in emigration. 1925–1945]. Moscow: St. Petersburg: Slovo Publ., 1992 (in Russian).
- Yarotskaya, Yu.A. *Russkaia kul'tura i russkoe iskusstvo v vospominaniakh o detstve i iunosti v Kharbine, Liubimyi Kharbin – gorod družby Rossii i Kitaya* [Russian culture and Art in memories of childhood and youth in Harbin]. Kharbin; Vladivostok: VGUES Publ., 2019 (in Russian).
- Yefanova, V.K. *Domoi s chernogo khoda: [Vospominaniia]* [Home from the back door: Memoir]. Moscow: Izdatel'stvo N. Bochkarevoy Publ., 1999 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Мария Владимировна Кротова, д-р истор. наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21; mary_krot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7948-0251>

Mariia V. Krotova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of International Relations, Mediaology, Political Science and History, St. Petersburg State University of Economics; 21, Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia; mary_krot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7948-0251>

Дмитрий Игоревич Петин, канд. истор. наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций, Омский государственный технический университет; 644050, Россия, Омск, пр. Мира, 11; dimario86@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>

Dmitrii I. Petin, PhD in History, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University; 11, Prospekt Mira Av., Omsk, 644050, Russia; dimario86@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>